

Непоколебимый дух Махмадюсуфа Исмоилова

Через 11 месяцев содержания под стражей известный журналист жаждет продолжить профессиональную деятельность.

Махмадюсуф Исмоилов, приговоренный к выплате штрафа и трех лет лишения права работать в журналистике, после освобождения из областного СИЗО в г. Худжанде, первым делом приехал в Душанбе навестить коллег. Суд признал виновным Исмоилова частично по статьям «вымогательство», «оскорбление» и «разжигание местничества», обязав его выплатить 35 тысяч сомони в качестве штрафа. Кроме того, Исмоилову запрещено заниматься журналистикой в течение будущих трех лет.

Во вторник известный журналист газеты «Нури зиндагӣ» в Аштском районе повидался с коллегами в Газетно-журнальном комплексе Душанбе, где публикуются центральные периодические издания, а также с Нуриддином Каршибаевым, руководителем Национальной Ассоциации СМИ РТ. На вопрос о том, как он себя ощущает на свободе после почти 11-месячного пребывания в заключении, Исмоилов сказал, что находится в приподнятом настроении и готов бороться дальше за восстановление своего честного имени.

«Буду идти до конца»

Озоди: Мы слышали, что близкие и знающие люди посоветовали вам примириться с решением суда и не подавать кассационную жалобу для пересмотра приговора в вашем отношении, считая это бессмысленным делом?

Исмоилов: Нет, это не так. Мы сейчас готовим документы, необходимые для обращения в областной суд для обжалования приговора. Пока собрали половину из них. Мой адвокат Садриддин Саидов сейчас занимается этим. Я собираюсь идти дальше и бороться до конца, чтобы доказать, что я был невиновен. Понимаете, когда меня посадили на 11 месяцев, многие журналисты в Аштском районе были напуганы таким исходом дела, и я считаю сейчас своим долгом восстановить правду и вновь приступить к выполнению своих профессиональных обязанностей. Я считаю, что суд не нашел ничего, в чем можно было бы меня обвинить и назначил наказание в виде выплаты штрафа в размере 35 тысяч сомони (7200 долларов) и трех лет лишения права работать журналистом. Разве это не безумие? Что, там наверху хотят, чтобы мы жили, говоря неправду? Разве это не дико? Разве это по-мусульмански? Может быть, они хотят, чтобы у нас была такая же разруха как в Афганистане? Касательно суммы штрафа: суд прекрасно знает, что в течение года, пока я находился в СИЗО, моя семья жила за счет помощи журналистского сообщества, которому я очень благодарен.

Озоди: Многие правозащитники, поднявшие голос в вашу защиту, выражали озабоченность тем, что ваше долговременное содержание в СИЗО, а также требование обвинителя приговорить вас к 16 годам лишения свободы, негативно отразится на вас и других журналистах, критически пишущих о деятельности властей. Что вы ощущаете после всего пережитого? Вы не напуганы?

Исмоилов: Напуган? Нет, я не напуган, потому что я невиновен. Я не получал взятки или других доходов, о чем говорят обвинители. Я работал для народа, для общества и для будущего Таджикистана. Ашт это наша с вами родина, как и любая другая точка в Таджикистане. Если бы я жил в Душанбе, я бы писал о проблемах этого города. Когда журналисты видят проблему, они обязаны писать об этом. Журналист подобен глазу президента, он должен видеть и писать о проблемах с той целью, чтобы они решались. Как они могут молчать в такой ситуации? Недаром в народе говорят, что когда видишь незрячего, подходящего к колодезю, если ты не предупредишь его об этом, то будешь грешен. Я до сих пор не могу понять, как сотрудник прокуратуры мог потребовать посадить меня на 16 лет в тюрьму, в то время, как преступника, пойманного с 50 кг наркотиков могут посадить на 10, а убийцу на 8 лет тюрьмы. А что сделал я, кроме того, что пытался улучшить жизнь людям?

Благодарность коллегам и адвокатам за выстраданную свободу

Исмоилов: Пожалуйста, передайте через радио Озоди руководителю НАНСМИТ Нуриддину Каршибаеву, моему адвокату Мухаббат Джураевой, всем коллегам-журналистам, не оставшимся в стороне и писавшим о моей судьбе, глубокую сердечную благодарность за все, что они сделали для меня. Особое спасибо сотрудникам радио Озоди за то, что их публикации заставляли дрожать некоторых руководителей, а некоторых вынудили покинуть свои посты.

«В СИЗО особый почет журналистам и диссидентам»

Озоди: Расскажите, в каких условиях вы содержались в СИЗО, какое было к вам там отношение?

Исмоилов: Никаких проблем я не ощущал. Более того, меня очень уважали за то, что я журналист. Да, СИЗО есть СИЗО, человек теряет здоровье. Плохо то, что ты вообще не видишь неба и тебя не выводят на свежий воздух. Но я хочу сказать, что в СИЗО я почувствовал особый почет по отношению к журналистам и диссидентам. Я очень благодарен своим сокамерникам за то, что помогали мне. Вы сами понимаете, что моя семья не имела возможности часто навещать меня.

Озоди: Какое количество задержанных находилось вместе с вами в камере?

Исмоилов: По-разному. Иногда их число доходило до 20 человек, иногда нас было 13.

Озоди: Что вы имеет в виду, говоря о том, что к вам хорошо относились?

Исмоилов: Мои сокамерники, узнав о том, что я журналист, и о том, что в газетах часто писали обо мне, с уважением относились ко мне. Я благодарен газетам, за то, что публиковали статьи обо мне, в том числе перепечатывали материалы Озоди.

Газеты доходят и до СИЗО

Озоди: Как в СИЗО получают газеты?

Исмоилов: Конечно, газеты доходят не до всех камер. В частности, в начале, в камеру, где находился я, не позволяли заносить газеты, потому что в них печатали обо мне. А потом они смягчили это правило и мы могли читать каждую неделю новые выпуски центральных газет. Газеты приходили вместе с посылками к задержанным, чьи родственники проживали в Худжанде. Некоторые просили родных, чтоб

те специально для меня приносили газеты. Иногда мы получали по 13 газет сразу.

Озоди: Какие газеты вы читали в СИЗО?

Исмоилов: «Азия-Плюс», «Фараж», «Нигоҳ», «Муҳаббат ва оила», «Озодагон», «Зан ва мард», «Ману ту», «Миллат», некоторые номера «Имрӯз-News», «Овоза ва ҳақиқат», «Чархи гардун», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и другие.

Голодная ночь в аштском изоляторе

Озоди: Как вы питались, раз ваши родные не могли навещать вас?

Исмоилов: Сказать по правде, там проблем с едой совсем не было. Моим сокамерникам родные постоянно передавали разную еду: плов, манту, шурбо или шашлык. Им приносили хороший хлеб и даже фатир - слоенные лепешки. Некоторые иногда отказывались от еды, потому что ее было много.

Озоди: То есть в плане обеспечения у вас вообще не было проблем?

Исмоилов: Никаких. Соканерники, уважавшие меня, делились не только едой, но и одеждой. Дело в том, что даже если мои родные могли приехать, чтоб навещать меня, то им не разрешали этого делать. Я благодарен своему адвокату Мухаббат Джураевой за то, что два раза сама принесла мне передачу.

Я должен сказать, что в Аштском изоляторе, куда меня возили каждые два месяца, условия были гораздо хуже. Когда приходили мои близкие для встречи и передачи еды или посылки, то еда не доходила до меня. Некоторые сотрудники прокуратуры забирали ее себе, а родным угрожали, что запекут в тюрьму, если придут еще раз. Порой с трудом и со слезами разрешали увидеться лишь на одну минуту. Но те, кому грозил серьезный десяти или пятнадцатилетний срок заключения, во временном изоляторе Шайдона не имели никаких проблем в свидании с родными.

Озоди: Какое время вы пробыли в изоляторе Ашта?

Исмоилов: После моего задержания, первые три дня я находился в изоляторе Аштского района. Затем меня перевезли в СИЗО Худжанда. Каждые два месяца они отвозили меня в Ашт. Мне очень запомнился один тяжелый день, когда в ночь, накануне праздника Навруз, для продления моего пребывания в СИЗО, меня привезли в суд. Там находился и сотрудник прокуратуры, который был автором всех безосновательных обвинений в мой адрес. Мне очень хотелось пить и я попросил председателя суда дать мне пиалу чая, чтоб утолить жажду. Они обращались так, будто я какой-то террорист или убийца. Председатель суда, положив обе руки на грудь в знак поклона, обратился к прокурору с просьбой позволить мне дать попить немного чая. Только потом они удовлетворили мою просьбу. Так они продержали меня до 10 часов вечера, долго писали что-то. Сказали, что теперь мы отвезем тебя в камеру, то есть в камеру, которая находилась в Шайдоне. Тут я попросил милиционеров, чтобы позвонили по номерам, которые я им дал и попросили моих родных принести мне поесть. Этот бедный милиционер вновь начал умолять того прокурора, чтобы тот позволил им позвонить моим родным и те накормили меня. Прокурор дал согласие, но так в тот день я никого из родственников не увидел. В 7 утра следующего дня меня голодного и жаждущего отвезли в областное СИЗО Худжанда.

«В Таджикистане нет справедливости»

Озоди: Вы пробыли 11 месяцев в задержании. Изменилось ли что-то в вашем мышлении, поменялись ли ваши взгляды на какие-то ценности за это время?

Исмоилов: Да, я понял, что у нас в Таджикистане нет дела до справедливости. Я думаю, что иногда в Таджикистане работники прокуратуры, я имею в виду особенно работников прокуратуры, думают, что они занимают место президента. На что они способны, они уже продемонстрировали. Я понял, что сотрудники правоохранительных органов могут обвинить человека во всех грехах, если даже он не виновен. Я не знаю, знает ли обо всех их действиях президент, но если бы он знал, я уверен, что он бы принял все необходимые меры. Об этом пишут и наши газеты.

«Моя жизнь не имеет смысла без журналистики»

Озоди: Каковы ваши ближайшие действия?

Исмоилов: Я должен бороться до конца. Мы должны подать на апелляцию, с тем, чтобы я имел возможность работать по профессии. Моя жизнь не имеет смысла без журналистики, я должен продолжить работать. Если я не буду работать, Ашт еще больше погрязнет в проблемах. Поэтому, я заострил свое перо и готовлюсь работать с новыми силами.

Радио Озоди